

Юлия и Анастасия
ЛАВРЯШИНЫ
ПОД КРАСНОЙ
КРЫШЕЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии *Д. Васильченко*

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Под красной крышей / Юлия и Анастасия Лавряшины. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.
ISBN 978-5-04-220807-2

Данный сборник — это психологические и мистические рассказы, направленные на исследование души, ведь она так много в себе таит — страхи, желания, пороки. Юлия и Анастасия Лавряшины препарируют человеческую душу, чтобы читатели могли заглянуть в нее и найти ответы на важные вопросы.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю., Лавряшина А., текст, 2025
© Оформление.
ISBN 978-5-04-220807-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2025

АНАСТАСИЯ ЛАВРЯШИНА

**БУМАЖНАЯ
ДВЕРЬ**

Рассказы

Долг

В вату дыма рвется дождь. Цокот каблуков. Скрип половиц.

— Он даже не отдал долги!

Хозяйка сжимает засаленный фартук. Мнутя сухие мясистые губы. Марфа кивает, и острый подбородок рассекает затхлый воздух. Дверь в подвал открыта. Девушка нагибается и, согнувшись, спускается. Во тьме притаилась трупная вонь.

Цок. Цок. Вместе с каплями дождя она скатывается. Остановившись возле еще одной дверки, Марфа достает спички и зажигает свечу. Пламя настороженно вспыхивает и начинает извиваться.

В комнате холодно. Свет ластится к облезлым стенам в зеленке грибка и к желткам разводов на потолке.

Труп мужчины свисает с потолка, тонкая шея обтянута прочной веревкой. У ног валяются матрасы и топор. В сиропе крови, словно мухи, застыли две девочки лет пяти. Их золотистые волосы раскиданы по рваным подушкам.

Марфа встает на колени, кладет свечу и всматривается в сонные лица детей. Вокруг нет ничего. Ни стола, ни стульев, ни шкафа. Только их матрасы и валяющаяся табуретка.

Бедность бегает по углам комнатки.

Слышатся шаги. Марфа оборачивается. Мишка машет ей рукой и вваливается.

АНАСТАСИЯ ЛАВРЯШИНА

— Уносим? Тут и делать нечего.

— Нечего. — Она еще раз нервно осматривается и поднимается.

Мишка свистит. Бег по лестнице. Группы прячутся в прозрачных мешках, словно гусеницы. Их единственные бабочки — это прах.

Марфа оттягивает горловину водолазки, выходит из дома.

— Так, а деньги? Кто вернет мне деньги? — открывается хозяйкин беззубый рот.

Марфа вгрызается в старуху взглядом, и желваки напрягаются на ее лице. Она перебегает дорогу, и дождь воем прокатывается по улочке.

Свитерник

Свинными ушками сжимаются сухие листья, укрывшие дрожащую землю сада. Ограда прорезает дождь. Октябрь скачет ветром и бурчит в лужах пузырями.

У тебя острое скуластое лицо, напоминающее маску. Рукавом смешного пестрого свитера в комочках шерсти вытираешь красный нос. От тебя сильно пахнет одеколоном, и я даже чихаю. Ты поворачиваешься, улыбаешься и ускоряешься. В руках у тебя пакеты.

Бритая голова мелькает все дальше и дальше. Ты выскакиваешь за ворота и перебегаешь мостовую. А там уже останавливаешься и смотришь на серые резаные части неба. Смеешься так радостно и громко, будто эта мерзкая погода самая лучшая для тебя.

Время идет быстрее меня. А я запуталась в сети переулков. С трудом переставляю ноги. Стопы зудят, пальцы стерты уже в кровь. Холод подгоняет вечер. Огни домов разжигают окна-звезды. Я кутаюсь в ста-

БУМАЖНАЯ ДВЕРЬ

рый плед, который подобрала у помойки, и иду куда-то. Усталость пробегает мурашками по телу. Хочу спать.

— Лучше бы тебя не было.

Эта мысль меня не покидает. В моем животе поселился паразит. Периодически толкает в бок, словно злится. Без него все было бы легче... Пустые улицы усмеваются и кривятся. Мне одиноко и тошно. Кажется, что во мне нет и одного сердца. Я устало сажусь на размягченные каменные ступени.

За спиной дверь, ведущая в какую-то лавочку, и над ней горят разными цветами камни мозаики. Значит, лавка еще не закрыта. Щурюсь на деревянную вывеску рядом, покачивающуюся от ветра. «Свитерник».

— Странное название...

Я поднимаюсь с кряхтением и стучусь. Может, мне разрешат хотя бы попить воды?

Торопливые шаги. Дверь открывает тот бритый парень, которого я недавно видела. Он снова мягко улыбается и отходит, чтобы я прошла:

— Очень рад вам, заходите. Сейчас так морозно, садитесь к камину. Я принесу вам какао. Хотите?

От растерянности я лишь киваю и откидываю в сторону плед. Парень закрывает дверь и идет на кухню. Я усаживаюсь в кресло возле потрескивающего огнем камина. Снимаю обувь и опускаю ноги на теплый ворсистый ковер. Пытаюсь отдышаться после тяжелого дня.

Мысли мои разбегаются. Но я понимаю одно: меня ничего не ждет в будущем. Сейчас мне надо родить, как-то попав в больницу, сбегать ребенка в приют, может, тогда посчастливится устроиться на работу.

— Не стоит, дорогая. — Он ставит какао на столик рядом, чуть отодвинув книги.

АНАСТАСИЯ ЛАВРЯШИНА

— Вы о чем?

— Знаете, что вам надо? Свитер. Хороший свитер. Сейчас подумаю, какой вам подойдет. Хм...

Он идет к напольной вешалке и перебирает свитера.

— Да о чем ты, не пойму. Не надо мне. Спасибо, что позволил погреться.

Залпом выпиваю какао и морщусь от жара. Мотаю головой и поднимаюсь, чтобы уйти, но он смотрит на меня серьезно:

— Садитесь, я не оставлю вас в этих лохмотьях.

Я ежусь от его холодного голоса и сажусь обратно. Он выдергивает из груды одежды свитер, подходит и протягивает мне. Зеленый с красными сердечками. Нелепый.

— Зато уютный, — улыбается парень.

Хмурюсь. Он мысли мои читает, что ли? Беру свитер и натягиваю его. Ощущение тепла разливается по моему телу. Это чувство можно сравнить с тем, что испытываешь на высоте. Захватывает дух. Так странно. Но в этом свитере я чувствую себя защищенной. Глажу живот и засыпаю.

Я просыпаюсь, когда за окном синева поет соловьями и пищит воробьями. Повозки проносятся с ржаньем лошадей и криком кучеров. Слышится усталый хрип: «Помидоры, огурцы».

— О, ты проснулась наконец!

Он подходит и ставит поднос с чаем и бутербродами.

— Поешь хорошенько, у нас много работы сегодня. Ты будешь за прилавком, я все объясню. А мне надо будет развезти заказы.

Я выдавливаю только: «Чего-чего?» Ребенок пинается. Улыбаюсь.

Бумажная дверь

Ивона сидит на траве. Наматывает на палец стельку одуванчика. Сок молочный льется к ее коленям. Она ухмыляется и отряхивает руки. Рядом с ее сумкой валяется венок.

Я завожу двигатель, и он начинает мурчать. Отхожу к Ивоне и прикрываю лицо от солнца:

— Поехали дальше.

— Поехали. — Она поднимается.

Наш путь пахнет цветами лаванды, которые она возит с собой, жуется жареной на костре курицей, тает на языке мороженым и леденцами, звучит песнями «Моторамы». Мы стараемся не думать о том, что нас ждет.

Но уже через три дня мы прибываем в город. Нас просили приехать, но мы знаем, что везде, куда нас зовут, воцарилось несчастье. И мы летим туда, где все больны. И мы не видим здоровья.

Здесь разбитая дорога, билборды где-то разрушены и изрисованы граффити. Из-за серого неба, где золотятся облака, город кажется пустым и мрачным. Наверное, это еще потому, что все дети, кроме одной девочки, исчезли.

Люди проползают тенями. Ивона натягивает кофту. Мы подъезжаем к белоснежному зданию администрации города. Паркуемся. Нас выслушивают, обыскивают, смотрят документы и отводят наконец в кабинет главы.

Мэр оказывается мясистым мужчиной, унылым выражением лица, похожим на бассета. Мы усаживаемся напротив него.

— Вы в курсе общей ситуации. Дети просто испарились неделю назад. Полиция ничего не нашла. Нам посоветовали обратиться к вам. Вы же эти... как их... Шаманы, да?

Ивона сглатывает смех и давится.

АНАСТАСИЯ ЛАВРЯШИНА

— Ну уж не шаманы, — улыбаюсь я. — Лучше назовите нас охотниками за нечистью.

— Один черт. То есть фиг. — Он вздыхает и задумывается.

Потом постукивает толстыми пальцами по столу, вытаскивает из ящика стола стопку папок. Они блинами растекаются перед нами.

— Здесь вся имеющаяся информация о детях. А ребенка всего тридцать три.

Мы киваем и берем досье.

Вечер проводим в гостинице на кровати, читаем про детей и день их пропажи. Ивона усаживается потурецки и осматривается:

— Я тоже из этого клоповника исчезла бы.

— Тише, прекрати. — Я кидаю в нее папку.

Она трет голову и смеется:

— Ну правда. Паш, я совсем не понимаю, что их связывает. И кому они понадобились?

— Надо пообщаться с их родителями.

— И с оставшейся девочкой.

— Да. А сейчас спать.

Весь город уже знает про нас и выглядывает с любопытством из окон. Особенно все тарашатся на Ивону. Конечно, ее наряд хиппи везде вызывает вопрос: в каком мы году живем? Но ей плевать. Она гордо бренчит подвесками и сверкает фенечками.

— Под тисовым деревом пела мне мать,

И я понимала, мне рано еще умирать.

Помню, как-то я спросил ее, почему она так любит песню про тисовое дерево? И она рассмеялась: «Так ведь мое имя означает тисовое дерево».

Ивона проводит пальцами по пыльному забору.

БУМАЖНАЯ ДВЕРЬ

Из дома в дом кочуют наши вопросы. Потом в школу и детский сад.

Она плюхается на кровать и раскидывает руки:

— Я уверена, что это все бумажный демон.

— С чего бы? — стягиваю футболку.

— Да все эти чудо-граждане просто обычные лицемеры! — выкрикивает она, но потом переходит на шепот. — Меня чуть не стошнило.

— Были видения?

— Не хочу об этом говорить.

Ее голос срывается, и она кутается в одеяло.

— Они бьют детей?

Она молчит. Значит, некоторые и хуже.

— Давай сбежим отсюда. — Ивона утыкается в подушку. — Детям будет лучше в мире иллюзий, что для них создали.

— Но ведь их души...

— Да пусть он их поглотит! Или лучше, чтобы они тут мучились? — кричит Ивона и кидает в меня подушку. Вскакивает с кровати и начинает метаться по комнате. — Дети умрут счастливыми! Это лучший исход для них.

— Послушай, — хватаю ее за руку и притягиваю к себе. — У многих тяжелое детство, плохие отношения с родней, травмы. Это не значит, что все становятся тиранами, как те, кто их покалечил.

Она начинает плакать.

— Ты не понимаешь... Всем этим детям ничего не суждено достичь. Кто-то сопьется, кто-то убьет себя, один будет насилловать своих детей так же, как отец его. И никто так и не забудет, что было с ними. Никто.

И тут в дверь стучат. Ивона вздрагивает. Я иду открывать. На пороге стоит девочка, держит тело плюшевой игрушки. Голову, видимо, отрезали.

— Заберите меня, пожалуйста.

АНАСТАСИЯ ЛАВРЯШИНА

Ивона кидается обнимать ее и плачет. Девочка удивленно смотрит на нее и на меня. Я завожу их в комнату и осматриваю коридор гостиницы. Пустота.

Ивона уже вытаскивает чемодан из шкафа.

— Все. Едем. Меняем паспорта и скрываемся. Это дело похоронит нас.

— Просто скажем, что мы бессильны.

— А она? — Ивона кивает на девочку.

— Папа не отпустит меня.

Я сажусь на край постели:

— Боже...

— Ассоциация поможет нам. Ведь бывали случаи, когда охотники вдруг пропадали. И нам намекали, что они наткнулись на дела, что им не по зубам.

— Подожди-подожди.

Мы начинаем спорить. И вдруг Ивона остывает:

— Где девочка?

Мы поворачиваемся и видим бумажную дверь. Она висит в воздухе. Я обхожу ее. Ничего. Ивона падает на колени и сжимает ее ручку. Долго дергает и наконец выдыхается. Я кладу ладонь ей на плечо:

— Значит, нам пора. Ей там лучше, сама понимаешь.

— Я думала, хоть у кого-то будет шанс...

Мы уезжаем из этого города с новой пустотой. Ивона молча смотрит в окно очень долгое время. Потом включает музыку и начинает петь. Я знаю: тисовое дерево легко справляется с гнилью, что гложет его.

Сероглазый

Ты сказал, что не запоминаешь лица.

Значит, мое ты уже забыл. Не то чтобы от этого мне плохо. Просто грустно. Я же твое лицо запомню. Очень

БУМАЖНАЯ ДВЕРЬ

хорошо. И волосы, неровно торчащие из-под красной новогодней шапки. И выпученные серо-голубые глаза, впивающиеся во все вокруг, будто и в них живет страх все забыть. И как ты держишь сигарету, как посмеиваешься, как говоришь про свою рассеянность.

— У Вити, оказывается, карие глаза. — Я смахиваю пепел и задираю голову, потому что ты высокий для меня.

— В смысле? А какие они должны быть?

— Просто я не замечала, какого они цвета.

— Я уж подумал, что ты считала его безглазым.

Он смеется и начинает шутить про Витину безглазость. Я улыбаюсь.

На деле я не видела твоих глаз. То есть я заметила тебя, такого долговязого и странного, тогда еще небритого. Заметила. Но забыла.

И вдруг мы стоим у ворот института, я ощущаю во рту сладкий привкус «Чапмана», напоминающего кофе, мы ждем Витю, который куда-то убежал и лучше бы не приходил.

«Чапман» всегда ассоциировался у меня с тоской. И тоска эта во всем вокруг. В трещинах на льду, в серо-розовом небе, в том, что я такая смешная в шапке с хэллоу китти. А в тебе ее нет. В тебе только что-то уютное и такое знакомое. Знаете, как хлеб по утрам. Фильм вечером. Сон днем.

Через пару часов на встрече киноклуба ты мне скажешь: «Мы не досмотрели фильм». И я больше тебя не увижу.

Утка

Моя дочка думает, что она — утка. Нет, правда! Она такая забавная в этой своей вере.

Надевает коричневый сарафанчик, натягивает белую кофточку и идет на улицу, переваливаясь и по-

АНАСТАСИЯ ЛАВРЯШИНА

крякивая периодически. Я натягиваю на ее непослушные светлые волосы панаму. Кажется, будто я стянула одуванчик. Она кряхтит и бежит к пруду. Моя дочь — утка.

Мама говорит, что я должна отвести дочь к психологу. Мама целыми днями сидит на продавленном кресле, которое пахнет затхлой пылью. Ее мир — телевизор напротив. Он диктует ей, что думать и делать.

И конечно, я, по мнению телевизора, — плохая мать. Я не хочу вести свою дочь к мозгоправам, ставя на ней клеймо ненормальной.

Мама захлебывается молоком и хлопьями. Облизывает мокрые губы и чмокает.

— Лера даже не говорит! Только крякает. Что ты ее никак не отведешь к психологу?

— Ей могу помочь только я.

— Делай что хочешь. — Она отмахивается от меня ложкой, и капля молока падает на ковер.

Темное пятно. Персиковые шкурки солнечных лучей пролезают через занавески. Моя дочь — утка.

Сегодня мы снова не решаемся записаться в садик и снова гуляем весь день. Она не может сидеть дома: сразу плачет. Моя девочка...

Вся эта квартира словно удушливый запах ладана. словно тот серый громоздкий памятник, перед которым она ничего не сказала.

Я открываю холодильник и смеюсь. Яйца исчезли. Я уже знаю, куда идти. В нашей с мужем спальне пахнет желтками. Дочка поднимает одеяло и крякает. Множество яиц подсолнухами расплозлось по простыне. Дочь пытается высидеть их, но ничего не получается, и я глажу ее по голове, приговаривая, что все будет хорошо.

БУМАЖНАЯ ДВЕРЬ

Утки блюдцами лежат на траве, моя девочка сидит с ними. Трет глаза, и я подхожу.

— Почему папа не приходит? Даже у уток есть папа.

У меня подкашиваются ноги, и к горлу подступает горечь.

Моя дочь — самая обычная девочка. Она играет с ребятами, лепит куличики, влюбляется в мальчиков. И я не знаю, что мне делать.

ЕЛОВАЯ ВЕТЬ

В этой комнатке стены тревожно молчат.

Она на желтоватом порванном матрасе. Красные пальцы ног жмутся к батарее, на которой она развешивает носки и полотенца. Приподнимает плечо, третса о него щекой и оборачивается ко мне.

— Мандарины ты почистил?

Усмехаюсь:

— Это сейчас самое главное?

— Конечно, ведь Новый год!

Отмахиваюсь, но встаю за тарелкой с мандаринами.

— Скоро будет фейерверк. — Она поднимается, прыгает в тапки и розовый пушистый халат. — Первый праздник такой странный у нас.

Никогда не пойму ее.

Каштановые кудри поблескивают радугой от прорезавшегося сквозь тучи солнца.

Она бежит куда-то к коридору и снова рядом со мной. В руках — еловая ветвь с шариками из бумаги.

— Это тебе!

Опускает ветвь в стакан и ставит на подоконник. Я рукой подзываю ее к себе, она садится мне на колени, руками обхватывает шею. Халат сползает с острых

плеч. У нее торчат лопатки и позвоночник. Я провожу по нему, и она чуть извивается и смеется.

За окном с решеткой грохочет фейерверк. Где-то там, куда она скоро уедет, оставив мне еду и свои рисунки.

Сейчас с нами только холод, урчание в животе, запах мандаринов и ее шампуня. Она всегда приводит себя в порядок, будто едет не в грязь, а во дворец. И я каждый раз ощущаю свою ничтожность.

Поминки поэта

Мне девять лет. Я еще не знаю, что ждет меня впереди. Ветер смеется в кудрях берез перед окнами чужой квартиры.

— Девочка, что у тебя такие глаза грустные?

Я надеваю кофту, валяющуюся на кресле-качалке. Старик чуть пододвигает стул к двери балкона, где я стою. В его толстых пальцах застряла папироса. И я морщусь.

— Нет, это хорошо, что у тебя такие глаза. Мальчики не будут тебя обижать: испугаются.

— Меня мальчики не обижают.

Старик вздыхает.

— С женщинами хуже... А покойника ты знала?

— Нет.

— Бедный ребенок, что же тебя взяли сюда?

— Я не хочу оставаться дома одна.

Он в задумчивости затягивается. Я не могу сидеть в пустой квартире и заглушать тоску включенным телевизором, который старается создать для меня видимость жизни. Лучше я буду тут. Где мои родители единственные раскладывают книги и читают друг другу стихи.

Смотрю на пианино, где стоит рамка с фотографией мужчины в черных больших очках. Он поэт. И я пишу стихи. Мне придется умереть в такой же тес-

БУМАЖНАЯ ДВЕРЬ

ной квартирке с обшарпанными обоями? В доме, где всем плевать, что я здесь жила?

На кухне пахнет едой. Жена поэта сидит сгорбившись. Покусывает губами бокал вина.

— Этот дурак помер и что оставил мне? Гору никому не нужных стихов?

Я ухожу слоняться по коридору. Везде пахнет приторно, будто сдобой. И от этого мерзко.

В дверь стучат. Так я знакомлюсь с ним. Саша выше и старше меня, светловолосый и голубоглазый. С сияющей улыбкой. Вертит головой, что-то быстро говорит, и на щеках его проступает румянец. Я противоположность. У меня темные волосы и глаза, я предпочитаю молчать и не улыбаться просто так. Но он увязался хвостиком за мной, не наблюдая других детей в этом гробу.

Повсюду уже стоят люди, сжимают пластиковые стаканы. Пахнет вином, сыром и колбасой. Речь старается быть грустной, а смешки выбрасываются вместе с грязными салфетками.

А мы с Сашей много смеемся, пока играем в догонялки. Туда-сюда.

— Детей бы выгнать за такое поведение!

— Отстаньте от них, пусть веселятся, ему бы понравилось. — Старик кивает на фото покойного.

Мы с Сашей хлопаем в ладоши и забираем горсть винограда. На балконе нас встречают тепло и летящий пух. Саша ест и сплевывает косточки вниз.

— Попробуй. Кто из нас дальше плюнет?

Мне нравилось, как мы смотрели на трещины асфальта и давились то смехом, то виноградом, пока взрослые изображали из себя страдальцев.

— Дедушка вообще любил виноград.

— А сейчас не любит?

Он смотрит на меня как на дуру:

— Так он же умер, это его поминки.

АНАСТАСИЯ ЛАВРЯШИНА

Я сразу краснею.

— Ты его любил?

— И люблю...

Он начинает переключать виноградины из ладони в ладонь. Потом вдруг замирает и улыбается мне:

— Пошли играть.

Саша показывает мне лего и пистолеты с автоматами. Машет руками и рассказывает про все игрушки. Я верчу их в руках и хихикаю. Потом мы в шутку деремся, он прижимает меня к кровати и замолкает, приобняв меня.

— Ты пахнешь одуванчиками.

Саша садится. Я тоже, и он утыкается мне в плечо. Я рядом.

— Грустно, Насть.

Глажу его по голове. В гостиной звучит музыка, и речь уже не стесняется.

Птичьи шкафы

Порой я просыпаюсь и все еще слышу кошачий писк. Тогда я накрываюсь подушкой и напеваю что-нибудь глупое и веселое. Мать всегда говорила, что и я, и моя сестра очень восприимчивые и чувствительные. Потому я спасаюсь песнями. Это чуть приглушает боль.

Все началось в тот вечер, когда нам было по восемь лет. Я вышел поиграть с ребятами в футбол и заметил маленьких котят, вьющихся рядом с уставшей кошкой, растекшейся возле маленькой дыры в подвал. Котятам мешала прилипшая к шерсти грязь. Я побежал домой за сестрой. И оставшийся вечер мы мыли котят, а потом вернули их на улицу.

Наутро, с трудом проснувшись, довольные своей работой, мы побежали к маме-кошке. Она плакала совсем как человек. Мне стало не по себе. А когда мы на-